

У ВСЕХ У НАС есть незабываемый уголок земли нашей. У одного — это горный аул, у второго — степная юрта, у третьего — высотное здание. И аул, и юрта, и высотное здание — это твое детство, твоя маленькая родина. Моя родина — село Ивашка, что на восточном берегу Камчатки.

Часто в круговерти безудержных путешествий некогда вспомнить, что есть деревенька, а рядом речка с прозрачными водами, священная гора Арыльман. И ждешь тебя там и днем и ночью, а ты все носишься «по морям — по волнам», и некогда тебе припасть к родной травинке, услышать ее шепот, испытать живительную водичку из маминого родничка, поклониться деревцу, посаженному ею в честь тебя, твоего рождения. Неужто некогда?

Падают и возрождаются травы, падают и возрождаются деревья, но если падает человек, ждавший тебя, любивший тебя, спешит к нему на помощь. Иначе только травы, только деревья могут напомнить о нем, потому что они хранят память о том, что было, и чаще, горькую память, потому что неждоно вспомнил, откуда ты родом, где твои корни, которые дали тебе силу познавать себя, свое прошлое, настоящее и будущее.

Помню, в 1956 году встретился я с интересным человеком: географом и этнографом, известным в ту пору на Камчатке журналистом Валерием Ивановичем Воскобойниковым. Он собирал материал для своей будущей книги о происхождении и значении многих географических названий полуострова. При нашей с ним беседе, он спросил, как бы не нарочно:

— Знаешь ли ты, почему твоя Ивашка зовется Ивашкой, а Карага, где ты учился — Карагой, а Оссора, где ты сейчас работаешь (я тогда работал в райкоме, комсомола) — Оссорой?

Я пожимал плечами и не знал, что ответить любопытному собеседнику. Валерий Иванович рассказал мне о науке, которая изучает гео-

графические названия, о топонимике. Долгие и интересные разговоры с этим удивительным человеком не прошли даром. От жителей родного села, старожитов, я услышал два мнения о названии села. Так в моей записной книжке появились записи: Ивашка, Иваси (рыбка с таким названием обитала недалеко от этих мест), Ивасика — отсюда японское название. Вторая запись — Иван, Ивашка, чисто русское название. Это уже из легенд...

В одну из недавних поездок в Ивашку, я попросил Василия — двоюродного брата:

— Свози нас с племянником Игорем в старую Ивашку. Поворот, там еще жив домик деда Егора. (Один из героев моего романа «Родной Ветер»).

Мчит моторка мимо Коржавинского озера — одного из главных нерестилищ. Сети, сети...

— Чьи? — спрашиваю Василия.

— Госпромхозовские...

Чуть дальше, напротив старой связи... опять сети, сети.

— А это чьи?

— Сети местных.

— Да тут никогда никто не рыбачил, какая может быть тут рыба.

И снова госпромхоз?

Вспоминаю Паланский. Ему все дозволено. Так и тут жалуются охотники и рыбаки Ивашки: «Лучшие охотничьи угодья, лучшие рыбачьи топи — все занял госпромхоз. А балыка в магазинах нет, рыбы свежей в рыбкоопе от госпромхоза нет, и управы на него... тоже нет».

МЧИТ МОТОРКА по реке Бондаревой, входим на главную, а по бокам, слева и справа реки — Камефра и Ландиковская. Загородная и Беккеровская. Все реки были названы в честь хозяев, кто рыбачил на них, или делал остановки во время весенних и осенних ковчегий в 30-х, 40-х годах из Зимника на Летник.

Еще мгновение — и каким-то вселенским взором ты всматриваешься в эти, открывшиеся за поворотом речки Беккеровой, до боли родные места...

СЕВЕРНОЕ СЕЛО: СОЦИАЛЬНО-

— Вон там, на косогоре! — вскрикиваю я, разом гложет мотор и лодка плавно уткнулась в мягкий берег.

Травы, травы... Пожухли, пожелтели, но стоят еще гордо, выше человеческого роста. Я слышу, как они перегариваются, теплые полуденные лучи сентябрьского солнца падают на склоны дальних Валхатинских хребтов, ласкают Арыльман, родной Арыльман. Как прозрачна пелена времени — все ближе и ближе прошлое.

Разгребая шепчущую траву, я веду Игоря на косогор, где стоял домик дяди Егора, чуть ниже — школьный фундамент, а еще ниже, к березняку, стояла большая больница и работал там всю войну немец-врач, герой моего романа. А еще ниже, там, где проходил зимний тракт, стоял наш дом.

ПАДАЮТ и возрождаются травы, падают и возрождаются деревья, они возрождаются на том месте, где жили люди, и хранятся в этих деревьях, в этих травах память о том, что было.

Там, где когда-то был наш

дом, мы набираем сушняк и разводим костер на берегу речки. Я слышу, как он переговаривается с травами. Он тоже хранитель памяти. И я вспоминаю свое предвоенное детство, весну и дорогу апрельскую мимо нашего дома, по которой ведут заключенных «врагов народа» с Пенкина, Олукторки, Караги. На белом снегу черная лента, и впереди пулемет на собачьей нарте, и

зади пулемет. Это детство. — А вон там, на косогоре, стоял дом Панкариновых. Их тоже постигла участь черной ленты «врагов народа».

Завалинки-фундаменты... Привет и вам, хранители памяти.

Снова, назад, через Коржавинское озеро. Из устья реки Бондаревой взгляду предстал новый поселок, современный, большой. Он словно слился с рыбозаводом. И снова до боли знакомые места. Только какие?

II

В СОВРЕМЕННОЙ ИВАШКЕ моим гидом был Иван Петрович Окопный, председатель профсоюзного комитета колхоза имени Бекерева. Как-то, еще до знакомства с ним и с секретарем партбюро колхоза Николаем Александровичем Теремковым, разговаривая с жителями, спрашиваю: «Кто у вас парторг?».

— Да Коля, ты что, не знаешь Теремка? Наш, из работяг!

— А профсоюзный бот? — Петрович! Тоже наш. Постоять может.

Такое впечатление об этих двух руководителях сложилось и у меня. Они, теперешние, как принято говорить. Вот один из них и повел меня по Ивашке.

Говорит Иван Петрович

неторопко, стараясь дать основное.

— Мы строим сейчас два 12-квартирных дома, вложили 4 двухквартирных дома и подвели их под землю. Два домика в этом году сдали. Начево в этом году витьного нет. Просто не хватает важной проблемы обеспечения жильем селения.

— И чтобы решить проблему обеспечения жильем, нормальным, благоустроен-

ным жильем, даже тех домов, которые сейчас в Ивашке есть, маловато, — продолжает он. — Хотя в общеплановом, на следующий год у нас эти дома будут сданы, мы где-то обеспечим рядка 40 человек благоустроенным жильем. И дальше у нас, до 1990 года, будет продолжаться строительство. Намечены сейчас планы по освоению где-то около миллиона строимонтажа. Остро беспокоит людей сейчас отсутствие нормальной питьевой воды. Правда, в настоящее время ведутся работы по подаче воды с стороны кислородной станции.

...НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ТЕРЕМКОВ — больше года руководит колхозной партийной организацией. Сам из рабочих. В последнее время работает электриком. Был членом райкома. А год назад, когда проходили выборы в райком, а он впервые в колхозе, проходили в принципиальную новую обстановку, при широкой гласности и демократии (три кандидатуры были выдвинуты), по большому голосов прошел Николай Александрович. А потом еще одна ступень, и он стал секретарем райкома. Доверили ему мундштук колхоза, чтобы, работая рядом, убедился, что знает Теремкина. Чего преха таить, были

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

не по наследству, не по примеру бывшему парторгу. И с кем бы я не заговаривал, все говорят в один голос: «Принципиален в работе, в малом. И любой, даже самый важный вопрос, может решить, не доводя до крайности».

Разговаривая с ним, я понял, что Николай Александрович на все затронутые проблемы имеет свое мнение. И не только критикует,

барьеры и ухабы, теперь надо, чтобы коммунисты, весь коллектив колхоза меньше спотыкался о вчерашние, но вполне реальные еще и сегодня барьеры, преодолевая ухабы косности и равнодушия, жил полнокровной жизнью.

III

ПЕРЕДО МНОЙ книга «Край света», изданная

в Москве, в издательстве «Молодая гвардия», автор — известный журналист, теперь не менее известный ведущий-комментатор Центрального телевидения Василий Михайлович Песков. Книга издана в 1967 году.

Есть в этой книге маленькая глава, которая так и называется «Легкая рыба». Вот несколько строк из нее: «Селедка... селедка... 27 рыбных баз уместились на песчаной косе. Все камчатские рыбокомбинаты держат на косе свою базу, сахалинцы приходят сюда ловить, с Приморья приходят. Ловят все, кто только может поймать. Скорее, скорее, без задержки, время дорого... Удобная рыба — селедка. Один раз зацепил — сразу план. Селедку тут называют «легкой рыбой».

Ловили селедку без оглядки на завтра. Десять лет Олукторский залив посезонно колотит селедочная лихорадка. И все хорошо было: и деньги, и план, и слава. Но вот получилась заминка, и не заминка даже, а если рассуждать строго — преддверие беды.

...С начала сезона армада судов собиралась в заливе, и начиналась азартная охота. Кто больше захватит. Чуть ли не половина селедки в этом азарте «сыпалась между пальцами». Зацепил, например, сейнер две тысячи центнеров: а залить в трюм

можно 150. Куда остальную? Позвать бы соседа, ему отдать. Некогда, каждая минута — большие деньги. Вывалили мятую рыбу за борт и ходом на базу... А на базе очередь. Простоял — триста центнеров в третий сорт превратилось, не выгодно сдавать — за борт. Вот так и сгинули 2 тысячи из невода. И у другого так, и у третьего. Сегодня, завтра, несколько лет подряд...».

Об этой книге, об этой варварской эпопее напомню выступление старожила округа Л. Н. Цыганова по округному радио. Это выступление с большим вниманием было прослушано участниками одного из пленумов окружного комитета партии.

И СНОВА предостережение: нашим морям грозит другая беда: экологическая безграмотность, безответственность людей, напрямую и косвенно, распоряжающихся нашими рыбными запасами. Это — и начальство, и непосредственно рыбацкая рать Камчатки. Напомним, что речь в выступлении по радио шла о трехкратном разрыве в вылове лосося в четные и нечетные годы. В результате этого за прошедшую десятилетку рыбаками округа недодадено лососевой продукции на полмиллиарда рублей, или каждый четный год не додается ее на сотню миллионов рублей.

В прошлом году колхоз имени Бекерева неудовлетворен добычей лососевых. Из трех тысяч семисот по плану выловлено 3092. Не оправдались прогнозы в Укинском заливе. И это все не случайно. Если вспомнить, в былые годы колхоз имени Бекерева выставлял от Уки до Дранки от 20 до 22 ставных неводов. Черпали рыбу как попало, и где попало.

Лосось почти не восполнялся.

Значит, стоит вопрос об ограничении вылова лососевых в один—два четных года. Или сразу по всем основным лососевым рекам, или поочередно. Надо думать о строительстве рыбо-разводных заводов, что позволит длительное время, многие годы давать стране многомиллионную лососевую продукцию, колхозам же, рыбакам-колхозникам, району и округу — богатство.

Об этом размышляет главный инженер колхоза Владимир Витальевич Губин.

— Я считаю, что природные ресурсы надо брать рачительно. Это понятно всем. Однако относимся к этому не по-хозяйски. Вот пример. Работал я в колхозе «Тумгутум». Если раньше хозяйство добывало зимней наваги 500 тонн, то в последние годы эта цифра упала до 100-150. Мы вынуждены были обратиться в ТИНРО с предложением, чтобы ограничить вылов осенней наваги промысловым флотом и прекратить зимний лов на участках Тымлат и Анапка года на два-три вентерями. ТИНРО нас полностью поддержало в этом плане. Колхоз в 1988 году практически не вел лов на этих участках.

— В четные годы надо относиться к лову горбуши, кеты очень осторожно. Вплоть до того, что на некоторых участках и закрывать. А также решать проблему воспроизводства нашего лосося.

История учит рачительно хозяйствоваться! А не брать у природы, зажимая глаза! Иначе на каких же богатствах, на какой рыбе завтра расти и строиться Ивашке? Планы добычи рыбы в этом году опять большие. А завтра, послезавтра?! Давайте, наконец думать, что на земле этой, на морях этих и детям нашим жить...

IV

И ВОТ я снова в Ивашке, уже в предвыборной поездке по селам и поселкам округа. На колхозном берегу, в гостинице, без боязни лью воду прямо из крана.

Ивашкинцы, не дожидаясь, пока гидрологи «Камчатгеологии» развернутся, сами провели водопровод от кислородной станции. И уже к 7 ноября прошлого года получили хорошую, вкусную воду. Надолго ли? Время покажет.

А вот на другом берегу, на косе рыбозавода, работы в поисках воды начнутся только летом этого года. И только тогда, как заявил гидролог Таранов, «Камчатгеология» выдаст гидрогеологические заключения...

В Ивашке, в Ильиере, в Оссоре, встречаясь с рыбаками и обработчиками, мне не раз задавали вопрос: «До каких же пор будет грабительство наш корякский шельф?».

— Черпай! Черпай! Черпай! — и снова мы, в который раз, убеждаемся в своей бесправности перед государственной властью ВЕДОМСТВ, в данном случае, Камчатрыбпрома и подчиненного ему же Камчатрыбвода. До каких же пор все это будет продолжаться!

Но меня волнует и другое. Хорошо, когда сами рыбаки обеспокоены состоянием камчатского шельфа, но почему ни один из них не скажет: «Есть у меня план, выполню! Зачем же мне лишнее? Ведь я не враг ни себе, ни детям своим и внукам!».

В. КОСЫГИН.

Сейчас, после завершения работы первой сессии Верховного Совета СССР, народный депутат СССР, член комиссии Совета Национальностей по вопросам социального и экономического развития союзных и автономных республик, автономных областей и округов Владимир Владимирович Косыгин вновь встречается со своими избирателями, жителями сел и поселков округа. Побывает он, конечно, и в родной Ивашке. Знает: ждуть его там, надеются получить информацию о работе форума народо-власти в стране из первых уст. Да и сами поведуют депутату о проблемах, сложных вопросах развития, становления рыбачьего села...